

Геополитические последствия признания Израилем Геноцида армян: вызовы для Турции и Азербайджана

Комментарий Центра АРВАК, 07.07.2026

Аннотация

АРВАК анализирует геополитические последствия решения правительства Израиля о признании Геноцида армян в Османской империи. Автор рассматривает жесткую реакцию турецкого руководства, а также стратегические цели Тель-Авива, направленные на оказание масштабного давления на Анкару. Особое внимание уделяется угрозам для финансово-экономического положения Турции и рискам, связанным с возможным инициированием правовых процессов о компенсациях. Отдельно исследуется сложное положение Азербайджана, вынужденного лавировать между стратегическим союзником Турцией и ключевым партнером Израилем в условиях нарастающего регионального противостояния.

Ключевые слова: Геноцид армян, Израиль, Турция, Азербайджан, геополитика, Реджеп Тайип Эрдоган, Биньямин Нетаньяху, Южный Кавказ, внешняя политика, международные отношения, лоббизм.

1. Реакция Анкары: риторика и стратегический расчет

Официальное признание правительством Израиля факта Геноцида армян в Османской империи предсказуемо спровоцировало резкую волну протеста в Анкаре. Первоначальный импульс ответной реакции задал глава МИД Турции Хакан Фидан, охарактеризовавший демарш кабинета Б. Нетаньяху как политически мотивированное клеветническое обвинение. Схожую линию критики поддержал вице-президент Джемдет Йылмаз, обвинивший Тель-Авив в стремлении завуалировать данным актом собственные масштабные преступления в палестинском анклав. В аналогичном ключе, демонстрируя редкую консолидацию, высказались почти все ведущие политические силы Турции, включая представителей радикально-националистического лагеря. На этом фоне показательной стала трехдневная пауза, выдержанная президентом Р. Т. Эрдоганом, прежде чем озвучить свою позицию.

Спустя три дня после демарша Тель-Авива, 01.07.2026 г., мировое информационное пространство заполнили комментарии турецкого лидера, озвученные в ходе заседания кабинета министров. Р. Т. Эрдоган подчеркнуто дистанцировался от израильской инициативы, заявив, что Анкара «ни в малейшей степени не придает значения инсинуациям со стороны структуры детоубийц, ответственной за гибель более чем 73 тысяч мирных палестинцев». Президент особо акцентировал внимание на исторической безупречности турецкой государственности, в летописи которой, по его словам, «отсутствуют страницы геноцида, колониального гнета или массового насилия». В качестве контраргумента он указал на гуманитарную миссию Турции в период Второй мировой войны, выразившуюся в спасении представителей еврейского народа от Холокоста.

Центральное место в декларации Р. Т. Эрдогана занимает постулат о том, что недавние инициативы Тель-Авива «никоим образом не беспокоят» Анкару. Турецкий лидер выражает убежденность в тщетности израильских попыток ограничить маневренность Турции или нивелировать обвинения в беспрецедентном насилии против палестинского народа. Демонстрируя подчеркнутую невозмутимость и жесткость позиции, Эрдоган, по всей видимости, оставляет определенное пространство для маневра, учитывая

необходимость утверждения данного акта Кнессетом. По мнению турецкого руководства, сохранение умеренной тональности на текущем этапе предоставляет израильскому кабинету формальный шанс на деэскалацию посредством отзыва инициативы или ее блокирования в парламенте. Одновременно Анкара стремится позиционировать признание Израилем Геноцида армян как демарш отчаяния кабинета Б. Нетаньяху – шаг, который, по ее логике, не способен повлечь за собой реальных международно-правовых обременений в условиях углубляющегося регионального раскола.

2. Стратегия Тель-Авива: от «задевания» к системному давлению

Вместе с тем в экспертном сообществе превалирует точка зрения, согласно которой израильский демарш не исчерпывается лишь стремлением «уязвить» Анкару или дать зеркальный ответ на инвективы в адрес еврейского государства, касающиеся событий в Газе. Аналитики убеждены, что в действительности мы наблюдаем запуск долгосрочной стратегической программы Тель-Авива, нацеленной на оказание комплексного и многовекторного давления на турецкое руководство. Данная стратегия предполагает формирование широких антитурецких коалиций, целенаправленный подрыв финансово-экономической устойчивости республики и системную дискредитацию ее позиций на международной арене.

Согласно прогнозам специалистов, для реализации этих задач Тель-Авив приступит к интенсификации греко-кипрско-израильского партнерства с перспективой его расширения на Балканский регион, включая Болгарию, Сербию и Словению. В этот же геополитический контур израильская дипломатия, вероятно, попытается интегрировать Армению на восточном фланге и активизировать курдский фактор на южных рубежах Турции.

Параллельно с этим Анкаре угрожает столкновение с консолидированным влиянием аффилированных с Израилем лоббистских структур, действующих в западных банковских синдикатах. Речь идет о таких системообразующих кредиторах, как *Citi, J.P. Morgan, ING Wholesale Banking, Standard Chartered* и *Morgan Stanley*. В контексте затяжной экономической стагнации и перманентной девальвации лиры возникновение искусственных барьеров в сфере внешних заимствований способно спровоцировать в Турции полномасштабный финансовый коллапс с труднопредсказуемыми последствиями.

3. Новая парадигма ответственности: юридические и финансовые риски для Турции

В ряду критических вызовов для Анкары особое место занимает потенциальный запуск Тель-Авивом и аффилированными лоббистскими структурами Запада масштабной политико-правовой кампании. Подобный демарш несет в себе риски системной дискредитации внешнеполитических позиций Турецкой Республики и эрозии ее стратегических связей с международными акторами, традиционно выступающими проводниками турецких интересов в евроатлантическом пространстве.

Экспертное сообщество акцентирует внимание на высокой вероятности формирования глубоко интегрированного альянса между еврейскими и армянскими лоббистскими структурами. Подобная синергия диаспоральных организаций способна качественно детерминировать ужесточение курса США, Франции и Германии в отношении официальной

Анкары. Особую угрозу для турецкой стороны представляет потенциальный перевод вопроса Геноцида армян в плоскость практической правовой ответственности. Речь идет об инициировании масштабных судебных процессов, направленных на взыскание компенсаций за колоссальные человеческие жертвы, утраченное имущество и территориальные активы армянского населения Османской империи. Примечательно, что с 1990-х годов именно произраильские группы влияния в западных столицах выступали основным барьером, препятствовавшим попыткам армянской стороны привлечь Турцию к финансовой и морально-правовой ответственности. Текущий демарш Тель-Авива фактически снимает негласное табу на юридическое преследование Анкары в судах американской и европейской юрисдикций. Более того, признание Израилем Геноцида армян может служить четким индикатором для аффилированных кругов в судебно-правовых системах Запада к запуску механизмов системного и массового судебного давления на Турцию как правопреемника Оттоманской порты.

В Анкаре отчетливо осознают неизбежность возникновения глубоких системных вызовов, детерминированных признанием Тель-Авивом факта Геноцида армян, что во многом объясняет настойчивое повторение Р. Т. Эрдоганом тезиса о том, что данное решение *«никоим образом не беспокоит»* турецкую сторону. В то время как лидер республики демонстрирует внешнюю непоколебимость, экспертное сообщество квалифицирует это нетипичное, подчеркнуто демонстративное хладнокровие как свидетельство его глубокой встревоженности сложившейся геополитической конъюнктурой.

Не исключено, что, стремясь закрепить за собой статус ключевого поборника интересов палестинского народа и лидера исламского мира, Р. Т. Эрдоган допустил стратегический просчет, не предвидя перехода Б. Нетаньяху от фазы декларативного противостояния к реализации предметных демаршей.

Альтернативная точка зрения экспертного сообщества сводится к тому, что признание Геноцида армян стало для Анкары прогнозируемым преодолением *«точки невозврата»* в контексте системной деградации двусторонних отношений. Данный процесс обусловлен фундаментальным антагонизмом геополитических амбиций Тель-Авива и Анкары, выходящим далеко за рамки палестинской проблематики. Глубинные противоречия охватывают вопросы постасадовской архитектуры Сирии, конкуренцию за энергетические ресурсы Восточного Средиземноморья, контроль над транспортными артериями Южного Кавказа и общую конфигурацию баланса сил на Ближнем Востоке. В этой связи начальный этап обмена политическими инвективами между лидерами государств следует квалифицировать не как частный конфликт популистов, а как индикатор масштабных тектонических сдвигов в региональной архитектуре безопасности.

4. «Азербайджанский шпагат»: между турецким вектором и израильскими интересами

Предметом пристального анализа выступает детерминация будущей конфигурации израильско-азербайджанского партнерства сквозь призму недавнего демарша Тель-Авива. Инициатива кабинета Б. Нетаньяху спровоцировала крайне болезненную реакцию в официальном Баку, обусловленную беспрецедентной степенью

близости с Анкарой и наличием консолидированной деструктивной повестки в отношении Армении и ключевых аспектов Армянского вопроса.

Оперативная реакция последовала 29.06.2026 г., когда внешнеполитическое ведомство Азербайджана в специальной декларации призвало правительство еврейского государства *«подвергнуть ревизии данный шаг»*. Бакинские дипломаты инкриминировали Тель-Авиву намеренную фальсификацию событий 1915 года и попытку *«трансформации сложной исторической проблематики в конъюнктурный политический акт, лишенный правовой и академической легитимности»*. Резюмируя, МИД Азербайджана сформулировал тезис о том, что подобные инициативы *«торпедируют атмосферу доверия»*, апеллируя к хрупкой динамике текущих процессов *«нормализации»* в треугольнике Ереван–Анкара–Баку.

В дополнение к официальным дипломатическим механизмам Баку задействовал инструменты диаспоральной дипломатии. Стало известно, что 01.07.2026 г. представительские институты еврейских общин Азербайджана направили открытое послание израильским парламентариям. В данной петиции Милих Евдаев, Александр Шаровский и Геннадий Исаев, возглавляющие общины горских, ашкеназских и сефардских евреев республики соответственно, призвали депутатов Кнессета блокировать инициативу исполнительной власти. По убеждению авторов обращения, утверждение факта Геноцида армян способно детерминировать деструктивные процессы, подрывающие *«формирующуюся архитектуру мира и региональной стабильности на Южном Кавказе»*. Подписанты акцентировали внимание на том, что чувствительные страницы истории должны оставаться в исключительной прерогативе академических кругов. Согласно их позиции, *«политизация подобных вопросов способна создать ненужную напряженность среди искренних друзей Израиля»*.

Показательно, что тезисы, изложенные в обращении лидеров еврейских общин АЗР, практически в точности совпадают с доводами, приведенными в заявлении внешнеполитического ведомства республики.

В экспертных кругах превалирует мнение, что официальный Баку избрал тактику подчеркнутой осторожности в диалоге с Тель-Авивом, стремясь одновременно донести до Анкары сигнал о непоколебимой лояльности и солидарности на фоне демарша кабинета Б. Нетаньяху. Дипломатические сигналы азербайджанской стороны в адрес Израиля носят преимущественно декларативно-символический характер, в то время как в прагматической плоскости вероятность реализации Баку реальных контрмер представляется ничтожно малой даже в случае окончательной ратификации акта о признании Геноцида армян Кнессетом. Ряд израильских аналитиков акцентирует внимание на фактической неспособности Азербайджана нанести ощутимый ущерб интересам еврейского государства как на внутриреспубликанском треке, так и на международной арене. Подобные попытки чреваты для режима И. Алиева серьезными политическими издержками, что практически исключает возможность перехода Баку к реализации предметных *«антиизраильских авантюр»*, выходящих за рамки внешней демонстрации союзнической верности турецкому вектору.

Представляется обоснованным тезис о наличии у профильного израильского экспертного сообщества веских детерминант для подобной оценки. Вместе с тем в

официальном Баку нарастает осознанная тревога относительно пролонгированных эффектов демарша Тель-Авива, способных экстраполироваться за рамки турецких интересов и затронуть фундамент азербайджанской государственности. В ходе многолетней кампании по международной легитимации факта Геноцида армян, институциональные структуры Еревана и диаспоральные центры последовательно продвигали концепцию интеграции событий 1915–1923 гг. в единый политико-хронологический контур с процессами, имевшими место в Нахиджеване, «материковом» Азербайджане и Нагорном Карабахе в период с 1988 по 2016 гг. Данная парадигма подразумевает солидарную ответственность Азербайджана как стратегического сателлита Турции за масштабную деструкцию армянского генофонда, экспроприацию активов и лишение автохтонного населения права на существование в ареале его исторического проживания. Более чем активная поддержка Азербайджаном турецкой позиции и неприятие факта Геноцида армян во многом были продиктованы именно этим обстоятельством, поскольку Баку осознавал, что процесс признания событий 1915 г. геноцидом может распространиться на поле его исторической ответственности и повлечь за собой политико-правовые последствия для основ государственности современной АзР.

В данной связи внезапная трансформация позиции Израиля, выразившаяся в солидаризации с государствами, признавшими Геноцид армян, интерпретируется в Баку как деструктивный сигнал. Существует обоснованное опасение, что Тель-Авив не ограничится декларативной констатацией исторического факта, а приступит к инструментализации данного факта для системного давления на стратегического союзника Азербайджана – Турцию.

В официальном Баку нарастает тревога относительно эрозии сложившегося паритета между турецким и израильским векторами на азербайджанском направлении. Традиционно Азербайджан позиционировал себя как уникальная площадка, на которой интересы Тель-Авива и Анкары не только сосуществовали в условиях острого антагонизма, но и демонстрировали высокую степень синергии. Речь идет о скоординированном военно-техническом и организационном содействии, оказанном Баку в ходе силового разрешения Карабахской проблемы и последующей модернизации национальных вооруженных сил. Столь же показательным индикатором прагматического взаимодействия сторон остается бесперебойное функционирование энергетического коридора Баку–Тбилиси–Джейхан, обеспечивающего поставки азербайджанского углеводородного сырья для нужд еврейского государства.

На протяжении длительного периода Ильхам Алиев демонстрировал высокую эффективность в реализации политики балансирования между векторами влияния Турции и Израиля, стремясь купировать потенциальные антагонизмы и трансформировать зоны их соприкосновения в платформы для синергетического взаимодействия. Кроме того, Алиев неоднократно предлагал свои услуги в качестве посредника между своими конфликтующими союзниками. Эти инициативы не принесли ощутимых результатов в контексте стабилизации турецко-израильских отношений, однако укрепили позиции Баку, подчеркнув его значимость и умение балансировать между интересами Анкары и Тель-Авива.

Степень вовлеченности Анкары и Тель-Авива в политическую архитектуру, оборонный сектор и финансово-экономический фундамент Азербайджана носит беспрецедентный характер. Институциональное допущение столь глубокой вовлеченности внешних акторов во все сегменты государственного организма позволило правящему клану Алиевых не только стабилизировать внутреннюю конъюнктуру, но и эффективно нивелировать давление со стороны Москвы и Тегерана, одновременно конструируя имидж респектабельного субъекта международных отношений. Именно синергия военно-технического и дипломатического содействия Турции и Израиля определила успех силового сценария в Карабахском вопросе, обеспечив Баку своеобразный иммунитет от санкционных рисков и международно-правовой обструкции за действия в отношении автохтонного армянского населения. В стремлении реализовать эти стратегические императивы официальный Баку игнорировал критику внутренней оппозиции и предостережения региональных соседей о рисках тесной координации с государствами, придерживающимися наступательных стратегий на Ближнем Востоке. Экспертное сообщество неоднократно сигнализировало И. Алиеву о сужении пространства для маневра в условиях фундаментального расхождения интересов двух ключевых партнеров, наметившегося еще в 2010 году. Сегодня Азербайджан вплотную приблизился к фазе погашения политических обязательств перед своими «геополитическими кредиторами», что в условиях жесткого антагонизма последних способно спровоцировать системный кризис, угрожающий устойчивости алиевской вертикали и самой азербайджанской государственности.

В данной связи в экспертном сообществе циркулирует мнение, согласно которому Тель-Авив уже инициировал реализацию комплекса мер, детерминированных пассивной позицией Баку в контексте иранского кризиса. Речь идет о фактическом отказе азербайджанского руководства, во многом продиктованном давлением Анкары, от прямого вовлечения в вооруженное противостояние с Тегераном после инцидента с атакой неопознанных БПЛА на аэропорт в Нахиджеване. Израильская сторона обоснованно рассчитывала, что Азербайджан не ограничится предоставлением территориальных и военно-технических мощностей для ударов по объектам в северных провинциях Ирана, но и перейдет к более радикальным формам антииранской активности. Однако И. Алиев не только дезавуировал подобные ожидания, но и предпринял демонстративный жест, направив в ИРИ гуманитарные конвои. Подобная корректировка Баку предварительных договоренностей по антииранскому треку стала для Тель-Авива индикатором безусловной приоритетности турецкого вектора в структуре внешней политики Баку. Данное обстоятельство, по всей видимости, послужило триггером для пересмотра Израилем значимости южнокавказского партнера в своей региональной стратегии сдерживания и, как следствие, привело к сокращению ресурсов, направляемых на поддержку произраильских сегментов во внутривосточном контуре АЗР. Данная трансформация не означает полного демонтажа двусторонних связей, однако она способна существенно девальвировать уровень израильско-азербайджанского партнерства, стратегическая архитектура которого во многом была выстроена Авигодором Либерманом в период его руководства оборонным и внешнеполитическим ведомствами Израиля.

Стратегия Либермана, основанная на использовании опасений секулярного алиевского режима относительно иранской «исламской экспансии» в интересах Израиля

оказалась недостаточно эффективной. Азербайджан в контексте сдерживания давления иранского шиизма делал ставку преимущественно на тюркскую идентичность и экспортируемую Турцией религиозную доктрину суннитского толка, что автоматически ограничило возможности манипуляций Тель-Авивом идеи «иранской угрозы» для Азербайджана. Политика Либермана, безусловно, расширила фронт обоюдовыгодного взаимодействия между Израилем и Азербайджаном, однако, как показывают последние события, в условиях критической ситуации она не обеспечила Тель-Авиву ожидаемых геополитических дивидендов. Биньямин Нетаньяху (нынешний премьер в свое время сам поддерживал эту инициативу Либермана, занимая посты в израильском правительстве) и его кабинет праворадикалов фактически признали факт завышенности ожиданий от стратегического партнерства с Азербайджаном. В этой связи текущие действия Израиля по давлению на Турцию обусловлены также пересмотром роли Баку во внешнеполитической стратегии Тель-Авива.

В экспертном сообществе циркулирует мнение, согласно которому одним из ключевых факторов, традиционно сдерживавших Тель-Авив от официального признания Геноцида армян, выступал приоритет сохранения доверительной архитектуры отношений с Баку. Израиль не желал наводить тень на эти отношения, учитывая, что в Азербайджане данная тема воспринимается не менее болезненно, чем в Турции. Следовательно, актуализация повестки признания кабинетом Б. Нетаньяху может рассматриваться как индикатор готовности Израиля к полномасштабной политической ревизии связей с Азербайджаном, несмотря на наличие многовекторного и стратегически значимого фронта двустороннего взаимодействия.

В текущей геополитической конфигурации для режима И. Алиева формируются контуры беспрецедентного системного кризиса. В случае дальнейшей эскалации антагонизма между Анкарой и Тель-Авивом азербайджанская платформа, традиционно служившая зоной их прагматичного сопряжения, неизбежно трансформируется в арену выраженного столкновения интересов. Наблюдается фундаментальный разрыв между общественными настроениями, обусловленными тюркской солидарностью и нарастающей радикализацией в духе «*антисионизма*» и противодействия «*израильской экспансии*», и вектором интересов правящих элит. Последние глубоко аффилированы с израильскими кругами и интегрированы в структуру наднациональных банковских синдикатов и глобальных энергетических корпораций. Сама правящая семья Алиевых, обладающая разветвленными родственными и коммерческими связями с еврейской бизнес-средой, располагает значительными инвестиционными активами в Израиле. Более того, именно лоббистский потенциал израильских и аффилированных с ними западных структур выступает ключевым гарантом международной легитимности и фактического правового иммунитета И. Алиева на фоне многочисленных коррупционных кейсов, зафиксированных в евроатлантической юрисдикции.

5. Кризис маневрирования: вызовы для властей Азербайджана

На фоне углубления турецко-израильского конфликта правящему в Азербайджане режиму будет крайне тяжело удержать баланс между интересами элит, связанных бизнес-контактами и политическим симбиозом с израильским фактором, и интересами

общества, заряженного радикальными настроениями «антисионизма», возможно, «антисемитизма» и идеями тюркоцентризма. Инициатива израильского правительства в определенной степени способствовала осложнению ситуации в Азербайджане. Итог голосования в Кнессете покажет, готов ли Израиль и дальше оказывать давление на Турцию и Азербайджан или продемонстрирует, что пока еще видит шансы для перезагрузки отношений.